

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА «ЗАКОНА БОЖИЯ» (1912 г.) НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК

Безенова Мария Петровна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,

Удмуртский институт истории языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

(г. Ижевск, РФ),

Институт языкознания РАН (г. Москва, РФ),

mary_kaj@mail.ru

Введение. Рассмотрение морфологических особенностей перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык актуально в связи с тем, что памятники удмуртской письменности на данный момент изучены лишь частично. Сегодня известно более 400 наименований дореволюционных памятников удмуртского языка, однако большая часть из них не описана. Анализ письменных источников необходим, поскольку они дают важную информацию при реконструкции языка, а при наличии датировки помогают определить хронологию языковых явлений.

Материалы и методы. Описание морфологических особенностей в статье проводится на основе выявленных раннее графических и фонетических особенностей перевода «Закона Божия» на удмуртский язык. При этом задействован метод сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов.

Результаты исследования и их обсуждение. Проанализировав «Закон Божий» на удмуртском языке, мы выявили ряд особенностей в оформлении маркеров множественного числа, поссесивности, падежных и некоторых глагольных форм, а также местоимений.

Заключение. Сопоставление языковых данных «Закона Божия» с литературным языком и современными удмуртскими говорами подтвердило нашу гипотезу относительно диалектной принадлежности рассматриваемого письменного источника.

Ключевые слова: удмуртский язык; диалектология; памятники письменности; морфологические особенности.

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00119 «Создание интерактивного атласа по уральским языкам» (руководитель Ю. В. Норманская).

Для цитирования: Безенова М. П. Морфологические особенности перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 3. С. 246–254.

Введение

Основными источниками при изучении истории языка чаще всего являются письменные памятники. Удмуртский язык относится к языкам с поздней письменной традицией. Первые записи удмуртских слов, словоформ и предложений датируются XVIII в., а связные тексты начали издаваться лишь с середины XIX в. Таким образом, памятники удмуртской письменности не могут служить основным источником изучения исторической фонетики и грамматики данного языка. Несмотря на это анализ памятников удмуртской письменности необходим,

поскольку помогает выявить немаловажную информацию при реконструкции звукового облика отдельных слов, а также помогает определить хронологию языковых явлений.

Обзор литературы

На сегодняшний день известно более 400 наименований дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке¹. Описанию этих памятников письменности посвящены работы В. И. Алатырева [1; 2 и др.], Е. Б. Беловой [5], В. М. Вахрушева [6; 7], Л. М. Ившина [9; 10; 11 и др.], Б. И. Каракулова [12; 13 и др.]²,

¹ См.: Каталог дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке см.: Каракулов Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс (История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века). Ижевск, 2006. С. 114–200.

² См. также: Каракулов Б. И. Диалектная основа удмуртского литературного языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1987.

В. К. Кельмакова [15 и др.]³, В. В. Напольских [21; 22]⁴, И. В. Тараканова [25; 26 и др.]⁵, Т. И. Тепляшиной [27; 29; 30 и др.], А. Ф. Шутова [33], Ш. Чуча [34; 35] и некоторых других ученых. Однако большая часть памятников удмуртской письменности на данный момент еще не описана.

Материалы и методы

В данной статье мы рассмотрим морфологические особенности перевода «Закона Божия»⁶ (1912 г.) на удмуртский язык, опираясь на выявленные графические и фонетические изоглоссы данного памятника письменности, которые были подробно проанализированы в нашей предыдущей работе «К особенностям перевода “Закона Божия” (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика» [4]. Описание морфологических особенностей проводится методом сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. По возможности также затрагиваются вопросы происхождения морфологических маркеров с целью выявления инновационного либо архаичного характера особенностей, отраженных в переводе «Закона Божия» на морфологическом уровне.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате подробного анализа переводного текста «Закона Божия» нам удалось выявить ряд морфологических особенностей, посредством которых язык анализируемого памятника письменности отличается от современного литературного языка и ряда удмуртских диалектов.

Множественное число имен существительных в тексте «Закона Божия» образуется с помощью суффиксов **-ос** и **-ёс**, аналогичных литературным, однако в употреблении этих показателей в памятнике мы выявили некоторые особенности.

А. Маркер **-ёс** присоединяется к основам на согласные: *аръёс* [arjos] ‘годы’ – литер. *аръёс*, *ныльёс* [nijjos] ‘девочки’ – литер. *ныльёс*, *оскысьёслэн* [oskys'joslen] – литер. *оскысьёслэн* и др. В трех случаях данный маркер выступает после основ с финальной гласной⁷: *бечеёсыз* [bečejosiz] диал. ‘его подруги’ – литер. *бечеосыз* (*бече* ‘родственник’), *молитваёс* [mol'itvajos] ‘молитвы’ – литер. *молитваос*, *нылкышноёс* ‘женщины’ – литер. *нылкышноос*. Кроме того, в одной словоформе встречается параллельное употребление маркеров **-ос** и **-ёс**⁸: *букваёс* [bukvaos] ~ *букваёс* [bukvajos] ‘буквы’ – литер. *букваос*.

Б. Аффикс **-ос** присоединяется к основам на гласные: *тыло-бурдоос* [tjloburdoos] ‘птицы’ – литер. *тылобурдоос*, *чиньыосыз* ‘его пальцы’ – литер. *чиньыосыз*, *книгаосты* ‘книги’ – литер. *книгаосты* и др. Данный маркер употребляется и после основ, оканчивающихся на кириллическую букву *і*. Однако, учитывая закономерности употребления гласной *і* в тексте анализируемого памятника, которые были описаны в нашей предыдущей работе [4, 8–9], можно предположить, что маркером множественного числа в подобных словоформах выступает аффикс **-jos**: *адяміос* ~ *адяміос* [ad'amijos] ‘люди’ – литер. *адяміос* (также *адяміосты* [ad'amijostj] ‘людей’ – литер. *адяміосты* / *адяміосыз*, *адяміослэн* [ad'amijoslen] ‘у людей’ – литер. *адяміослэн*, *адяміослэсь* [ad'amijosles'] ‘от

³ См. также: Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 4) / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2001; Его же. Очерки истории удмуртского литературного языка: учеб. пособие. Ижевск, 2008.

⁴ См. также: Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. Ижевск, 2001.

⁵ См. также: Тараканов И. В. О старинных рукописных словарях удмуртского языка // Исследования и размышления об удмуртском языке: сб. ст.: пособие для высших учебных заведений. Ижевск, 1998. С. 330–338.

⁶ Конкорданс к данному памятнику можно найти на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>. Все иллюстрационные примеры в статье приводятся из этого словаря.

⁷ Образование форм множественного числа с помощью маркера **-jos**, присоединяющегося к основам с конечной гласной, зафиксировано и в словаре финского ученого Ю. Вихманна: *tjñam kijos?* (G) ‘мои руки’ (Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki, 1987. P. 104), *tumjjos-ajjos* (G) ‘родители’ (Ibid. P. 165) и др.

⁸ Чередование **-ос** ~ **-ёс** в тексте памятника встречается и в местоимении *соос* ‘они’: *соослы* [sooslj] ~ *соёслы* [sojoslj] ‘им’ – литер. *соослы* (ср.: *so* (G, B, M, J, MU, U) ‘он, она, оно; тот, та, то’, *sojos* (G, M, J, MU), *sojos* (M, U), *soos* (G, B, M, J, MU), *sojos* (MU) ‘они’ (Wichmann Y. Op. cit. P. 224)).

людей' – литер. *адямиослэсь, адямиослы* [ad'amijoslɨ] 'людям' – литер. *адямиослы*, *кизилюс* [kiz'il'ijos] 'звезды' – литер. *кизилюс, киоссэ ~ киёссэ* [kijosse] 'его руки' – литер. *киоссэ, ниосты́* [pijoslɨ] 'птенцов' – литер. *ниосты / ниосыз*.

Образование форм множественного числа от имен существительных с финальной гласной основы с помощью маркера **-jos** встречается и в некоторых современных говорах удмуртского языка. Подобные формы представлены в отдельных говорах периферийно-южного диалекта, в частности в буйско-таныпском и татышлинском, а также спорадически встречаются в некоторых других южных говорах⁹. Аналогичное явление отмечается и в говорах северного наречия, а именно: в косинском говоре нижнечепецкого диалекта, где данные формы имеют системный характер, а также спорадически (в основном в речи представителей старшего поколения) в нижнечепецких и среднечепецких говорах (за исключением балезинского)¹⁰.

На сегодняшний день существуют различные гипотезы, объясняющие происхождение маркера множественного числа в пермских языках [16, 36; 18, 108; 36, 152; 37, 182–183 и др.]. Однако, несмотря на различные подходы, ученые сходятся во мнении, что в составе показателя множественного числа изначально был согласный **j**, который «в словах с основами на финальный гласный в результате ослабления позиции **й** в интервокальном положении преобразовался в **-ос**»¹¹. Таким образом, употребление показателя **-jos** для образования форм множественного числа от основ как на согласные, так и на гласные можно отнести к архаичным явлениям, отраженным в памятнике.

При выражении отношения принадлежности единичного объекта единич-

ному обладателю в тексте памятника параллельно с общеудмуртскими посессивными формантами с **ы**-вой огласовкой функционируют **и**-вые маркеры: *а́из* [ajiz] 'его отец' – литер. *айыез, Аизлы́* [ajizlɨ] 'его отцу' – литер. *айыезлы; муми́з ~ мумиз* 'его мать' – литер. *мумыез, Мумизлэн* 'у его матери' – литер. *мумыезлэн, Мумизлэсь* 'от его матери' – литер. *мумыезлэсь, Мумизлы́* 'его матери' – литер. *мумыезлы, Мумидлэн* 'у твоей матери' – литер. *мумыедлэн*.

Подобные формы зафиксированы Л. П. Карповой в северноудмуртских говорах. При этом, как отмечает ученый, такие аффиксы могут употребляться лишь с терминами ближайшего родства: сев. *мум-и* 'мама моя'; сч., нч. *ай-и* 'отец мой'; вч. *буб-и* 'отец мой' и др.¹² Своеобразием данных лексем является то, что «все имена в номинативе в непосессивной форме имеют конечную **-и**, т. е. **-и** является фактически конечным гласным»¹³. Функционирование данных форм в говорах северного наречия подтверждается и материалами словаря Ю. Вихманна, ср.: *timi* (G, U), *timi* (G), *timi* (M, J, MU) 'самка (животных); мать'; *timi* (G) 'моя мать'; *timiz* (G) 'его мать и отец'¹⁴.

Аккузативные формы множественного числа в современном удмуртском языке образуются с помощью синонимичных маркеров **-ты, -ыз**. В памятнике при образовании данных форм во всех случаях употребляется аффикс **-ты**: *висисьёсты́* 'больных' – литер. *висисьёсты / висисьёсыз, ниосты́* 'птенцов' – литер. *ниосты / ниосыз, синтэмъёсты́* 'слепых' – литер. *синтэмъёсты / синтэмъёсыз* и др.

По данным диалектологов, вариант **-ты** представлен в современных северноудмуртских диалектах¹⁵, бесермянском наречии [19, 76; 28, 174–176], а также в некото-

⁹ См.: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: учеб. пособие для высших учеб. заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. С. 116.

¹⁰ См.: Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2018. С. 168–169.

¹¹ Там же. С. 169–170.

¹² Там же. С. 175–176.

¹³ Там же. С. 176.

¹⁴ Wichmann Y. Op. cit. P. 165.

¹⁵ См.: Карпова Л. Л. Указ. соч. С. 186.

рых срединных говорах: прикильмезских [8, 105], средневожосточных¹⁶. В говорах южного наречия и южной части срединных говоров удмуртского языка, напротив, подобные формы образуются с помощью маркера **-ыз**¹⁷.

Оба варианта аккузативных показателей множественного числа учеными возводятся к прапермскому периоду [17, 118], поскольку «при литературном суффиксе аккузатива единственного числа **-ӧс** (*кӧинӧс* ‘волка’, *кӧиньяс-ӧс* ‘волков (акк.)’) в диалектах коми языка зафиксированы и **т**-вые формы, например, в удорском диалекте: **-тӧ** / **-дӧ** (*вӧвӧйс-тӧ* ~ *вӧвӧйс-дӧ* ‘коней’), ижемском **-тӧ** / **-те** (*mijantӧ*, *mijante* ‘нас’, *tijantӧ*, *tijante* ‘вас’))»¹⁸.

В тексте памятника встречаются формы приблизительного иллатива, оформленные аффиксом **-не**: *Архиерейнӧ* ~ *Архиерейне* ‘к архиерею’ – литер. *архиерей доры*, *Архиерейӧснӧ* ‘к архиереям’ – литер. *архиерейӧс доры*; *калыкӧснӧ* ‘к народам’ – литер. *калыкӧс доры*; *начальникӧснӧ* ‘к начальникам’ – литер. *начальникӧс доры*. Как видим, подобные формы не характерны для литературного языка, а также абсолютного большинства удмуртских диалектов, в которых они соответствуют сочетаниям существительного в номинативе с послелогом *доры* ‘к, ко (послелог на вопрос куда?)’.

На данный момент формы вторичных пространственных падежей, в число которых входит приблизительный иллатив, диалектологами отмечены в бесермянском наречии [19, 72–74; 28, 184], в среднечепецком [14, 62 и др.] и нижнечепецком [31, 285–286]¹⁹ диалектах северного наречия удмуртского языка. Подобные иллативные формы в свое время были зафиксированы в глазовском диалекте и Вихманном, ср.: *tumizh̄e (no) aij̄zh̄e* (G) ‘к ее матери и ее отцу’²⁰.

Элемент **-н’-** маркеров вторичных пространственных падежей, как отмечают ученые, возник в диалектах удмуртского языка «на базе послелогов с основой *дин’-* ‘у, около, при, возле’, которая, в свою очередь, возникла от имени существительного *дин’* ‘основание, комель; близость, околица’»²¹. При этом, хотя в коми-пермяцких диалектах также зафиксированы формы вторичных пространственных падежей [3, 138–141], по мнению большинства ученых, они возникли в период самостоятельного развития каждого из пермских языков [17, 23; 20, 44; 23, 103–111].

Пролативные формы в памятнике образуются с помощью маркеров *ети-* (*мгстаемӱз* ‘по его месту’ – литер. *местаемӱз*), **-ыти-** (*интӱосытӱз* ‘по его местам’ – литер. *интӱостӱз*). Показатели, представленные в памятнике, в первую очередь, отличаются от соответствующих им литературных вариантов мягким согласным **т**. Подобные варианты представлены в современных среднечепецких и нижнечепецких говорах северного наречия²², а также в бесермянском наречии [28, 196–198]. Во-вторых, пролативные формы множественного числа в памятнике оформляются показателем **-ыти** в соответствии с литературным **-тӱ**. Аналогичный «вокалический» вариант данного маркера встречается в некоторых северноудмуртских говорах и бесермянском наречии удмуртского языка²³.

Н. В. Кондратьева отмечает, что в удмуртском языке «пролативный маркер **-етӱ** / **-этӱ**, **-ытӱ**, **-тӱ** образовался в общепермский период, и, с точки зрения диахронии, состоит из уральского аблатива на **-tV* и финно-угорского латива на **-j*» [17, 101]. Поэтому уместно предположить, что вариант с мягким согласным **т**, выявленный нами в памятнике,

¹⁶ См.: Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневожосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971. С. 212.

¹⁷ См.: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. С. 119.

¹⁸ Там же. С. 120.

¹⁹ См. также: Карпова Л. Л. Указ. соч. С. 178.

²⁰ Wichmann Y. Op. cit. P. 165.

²¹ Карпова Л. Л. Указ. соч. С. 179.

²² Там же. С. 188.

²³ См.: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. С. 123.

имеет относительно позднее происхождение.

Аккузативные формы личных местоимений второго лица множественного числа в анализируемом тексте оформляются маркером **-ды**: *милемды́* ‘нас’ – литер. *милемды* / *милемыз*. Подобные формы в целом характерны для говоров северной диалектной зоны, в то время, как в южных говорах они оформляются суффиксом **-зы**²⁴. Оба варианта аккузативных форм, по мнению Г. Н. Федюновой, восходят к прапермскому периоду, поскольку широко представлены во всех пермских языках и диалектах [32, 64].

Инструментальные формы личных местоимений первого и второго лица единственного числа в памятнике осложнены притяжательными суффиксами: *монэным* ‘(со) мною’ – литер. *монэн* / *монэным*, *тонэны́д* ‘(с) тобой’ – литер. *тонэн* / *тонэны́д*. Схожие расширенные формы личных местоимений представлены в современных северноудмуртских говорах, бесермянском наречии, а также в отдельных срединных говорах²⁵.

Основа усилительно-личных местоимений множественного числа **ась-**, к которой присоединяются показатели лица и числа, в анализируемом памятнике, в отличие от современного литературного языка и большинства удмуртских диалектов, преобразуется в **ач-**: *ачимэс* ~ *ачимес* ‘мы сами’ – литер. *асьмеос*. Подобные формы с основой **ач-** в целом характерны для всех современных говоров северного наречия удмуртского языка²⁶.

Отдельные морфологические маркеры, образующие различные формы от глаголов I спряжения, в тексте перевода «Закона Божия» характеризуются **ы-**вой инициалью в соответствии с литературным **и-**вым вариантом. К таковым относятся:

а) суффикс возвратного залога: *кылыськэм* ~ *кылыськэм* ‘оказывается, послышалось’ – литер. *кылыськем* / *кылыськемез*, *лыдзьыськэ* ‘читается’ – литер. *лыдзиське*, *пылыськыльям* ‘они,

оказывается, разбились’ – литер. *пылыськыльям* / *пылыськыльямзы* и др.;

б) показатель глагольных форм настоящего времени первого и второго лица единственного и множественного числа: *сэтыськөд* ‘даешь’ – литер. *сэтыськод*, *лыдзьыськөм* ‘читаем’ – литер. *лыдзиськом* / *лыдзиськомы*, *ум йыбырцкыське* ‘не молимся’ – литер. *ум йыбырцкыське* и др.;

в) маркер форм прошедшего неочевидного времени третьего лица множественного числа: *оскыльям* ‘они, оказывается, поверили’ – литер. *оскыльям* / *оскыльямзы*, *тодмальям* ‘они, оказывается, узнали’ – литер. *тодмальям* / *тодмальямзы* и др.;

г) суффикс причастия настоящего времени: *оскысь* ‘верующий’ – литер. *оскысь*, *пырысь* ‘входящий’ – литер. *пырысь*, *улысь* ‘живущий’ – литер. *улысь* и др.

Употребление **ы-**вых вариантов этих показателей в целом характерно для говоров северной диалектной зоны, которая охватывает северное наречие и часть срединных говоров удмуртского языка. При этом принято считать, что **ы-**овые маркеры более архаичны по сравнению с **и-**выми вариантами, которые возникли «в результате изменения первичного **ы** перед палатальными согласными в **и**»²⁷.

Для текста памятника характерен аналитический способ образования отрицательных форм неочевидного прошедшего времени с помощью препозитивной неизменяемой частицы *өвөл* ‘не; нет’, например: *өвөл сіэм* ‘он, оказывается, не съел’ – литер. *сиымтэ* / *сиымтэез* / *өвөл сиэм* / *өвөл сиемез*, *өвөл дйсьтыльямзы* ‘они, оказывается, не осмелились’ – литер. *дйсьтыльямтэ* / *дйсьтыльямтэзы* / *өвөл дйсьтыльям* / *өвөл дйсьтыльямзы*, *өвөл шедтыльям* ‘они, оказывается, не нашли’ – литер. *шедтыльямтэ* / *шедтыльямтэзы* / *өвөл шедтыльям* / *өвөл шедтыльямзы* и др. Такой тип образования отрицательных форм неочевидного прошедшего времени представлен во

²⁴ См.: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. С. 134.

²⁵ См.: Карпова Л. Л. Указ. соч. С. 252–253.

²⁶ Там же. С. 257.

²⁷ Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. С. 66.

всех севернудмуртских диалектах²⁸; для южнудмуртских говоров, напротив, характерен синтетический способ²⁹, а в берсермянском наречии, как и в современном литературном языке, встречаются и синтетический, и аналитический способы [19, 123; 28, 232].

В «Зако́не Божи́ем» в соответствии с литературным маркером деепричастия **-тозь** функционирует особый вариант **-чэзь** (**-тчозя-**): *лудычэзь* ‘до становления’ – литер. *лудытозь*, *лудытчозяз* ‘до его становления’ – литер. *лудытозяз*. Подобный вариант встречается и в современных говорах северного наречия, при этом он более характерен для современных среднечепецких и нижнечепецких говоров³⁰. По мнению Кельмакова, вариант **-ччоз’** (**-ччоз’**) возник «в результате контаминации суффиксов **-тоз’** и **-ччож** (~ **-ччож**)»³¹, в свою очередь **-ччож** учеными возводится к послелогу *чож* или *чоже* ‘в течение’ [24, 306]; следовательно, данный маркер по происхождению также имеет инновационный характер.

²⁸ См.: Карпова Л. Л. Указ. соч. С. 322.

²⁹ См.: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. С. 152.

³⁰ См.: Карпова Л. Л. Указ. соч. С. 358–360.

³¹ Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. С. 158.

Итак, в тексте перевода «Закона Божия» на удмуртский язык на морфологическом уровне прослеживаются особенности как архаичного, так и инновационного характера. Все они представлены в современных севернудмуртских говорах, что подтверждает нашу гипотезу о диалектной принадлежности перевода исследуемого памятника, согласно которой в его основе лежит диалект, территориально совпадающий сегодня с понинским подговором среднечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка [4, 45].

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>вч.</i> –	верхнечепецкий говор северного наречия удмуртского языка
<i>диал.</i> –	диалект, диалектный
<i>литер.</i> –	литературная форма, литературный язык
<i>нч.</i> –	нижнечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка
<i>сев.</i> –	северное наречие удмуртского языка
<i>сч.</i> –	среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка
<i>В</i> –	берсермянский диалект
<i>G</i> –	глазовский диалект
<i>J</i> –	елабужский диалект
<i>M</i> –	малмыжский диалект
<i>MU</i> –	малмыжско-уржумский диалект
<i>U</i> –	уфимский диалект

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алатырев В. И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 15–36.
2. Алатырев В. И. Об авторстве первых чувашской, удмуртской и марийской грамматик // СФУ. 1977. № 3 (XIII). С. 208–215.
3. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология: моногр. Москва, 1975. 252 с.
4. Безенова М. П., Кондратьева Н. В. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика // Урало-алтайские исследования. 2019. № 3 (34). С. 7–52.
5. Белова Е. Б. Развитие кириллического изображения аффрикат // Первой удмуртской грамматике 225 лет: сб. ст. Ижевск, 2002. С. 98–105.
6. Вахрушев В. М. Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1975. Вып. 3. С. 3–23.
7. Вахрушев В. М. Формирование и развитие удмуртского литературного языка // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 37–43.
8. Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. 16 с.

9. Ившин Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург; Ижевск: УрО РАН, 2010. 236 с.
10. Ившин Л. М. Рукописи русско-удмуртских словарей Г. Е. Верещагина // Восточно-европейский научный вестник. 2018. № 2. С. 54–58.
11. Ившин Л. М. Еще раз к вопросу о времени публикации первых книг на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 2. С. 216–222.
12. Каракулов Б. И. Язык удмуртского перевода Евангелий, изданных в 1847 году // Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы: материалы науч. конф. Сыктывкар, 2000. С. 467–469.
13. Каракулов Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс (История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века). Ижевск: Удмуртия, 2006. 208 с.
14. Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи: моногр. Ижевск, 2005. 581 с.
15. Кельмаков В. К. Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарapulьском наречии» удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 5. С. 17–24.
16. Кондратьева Н. В. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2011. 48 с.
17. Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 154 с.
18. Лыткин В. И. К происхождению суффикса множественного числа *zjos* в удмуртском языке // На удмуртские темы: сб. ст. Москва, 1931. Вып. 2. С. 101–111.
19. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2016. 200 с.
20. Максимов С. А. Вторичные пространственные падежи в удмуртском языке: эволюция исследования и терминологии, причины формирования // Урало-алтайские исследования. 2018. № 1 (28). С. 33–48.
21. Напольских В. В. Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт – первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт. 1998. № 4. С. 146–156.
22. Напольских В. В. К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф. И. фон Штраленберга // *Linguistica Uralica*. 2002. № 1. С. 33–49.
23. Некрасова Г. А. Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2002. 168 с.
24. Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
25. Тараканов И. В. О первой научной грамматике удмуртского языка // Записки. Ижевск, 1959. Вып. 19. С. 149–166.
26. Тараканов И. В. Первой грамматике удмуртского языка 190 лет // СФУ. 1965. № 3 (I). С. 229–230.
27. Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII в. / АН СССР. Ин-т языкознания. Москва, 1965. Вып. 1. 324 с.
28. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. Москва: Наука, 1970. 288 с.
29. Тепляшина Т. И. Об удмуртско-русском слове Захария Кротова // СФУ. 1971. № 2 (VII). С. 129–139.
30. Тепляшина Т. И. Морфологические диалектизмы в слове Захария Кротова // Вопросы удмуртского языкознания. Ижевск, 1973. Вып. 2. С. 224–226.
31. Тепляшина Т. И. О новых удмуртских падежах // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morfologica, syntactica et semantic.* Turku, 1981. С. 285–292.
32. Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 426 с.
33. Шутов А. Ф. Первым удмуртским книгам – 150 лет // *Linguistica Uralica*. 1997. № 3 (XXXIII). С. 215–217.
34. Csúcs S. Egy 18. századi votják nyelvemlék // *NyK*. 1983. № 2 (85). Ol. 311–320.
35. Csúcs S. A votják nyelv a 18. században // *NyK*. 1984. № 1 (86). Ol. 63–80.
36. Kövesi M. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest: Akadémiai Kiado, 1965. 432 old.
37. Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1933. 446 s.

Поступила 01.08.2019, опубликована 16.12.2019

MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE TRANSLATION OF THE «GOD'S LAW» (1912) INTO THE UDMURT LANGUAGE

Maria P. Bezenova

*Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow,
Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Institute of History,
Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia), mary_kaj@mail.ru*

Introduction. The relevance of the study lies in the fact that the Udmurt written monuments are studied only partially at the moment. Today more than 400 names of pre-revolutionary Udmurt monuments are known, but most of them are still not described. An analysis of written monuments is necessary, because they provide important information for language reconstruction, and besides that, they help to determine the chronology of linguistic phenomena.

Materials and Methods. The description of morphological characteristics in the article is based on the previously identified graphic and phonetic features of the translation of «God's law» in the Udmurt language. It involved the method of comparing the linguistic material of the work with the data of the literary language and modern Udmurt dialects.

Results and Discussion. As a result of the analysis of «God's law» in the Udmurt language, we revealed some features in the design of morphological indicators of plural, possessiveness, some case and verb forms, as well as pronouns.

Conclusion. A comparison of the linguistic data of the "God's Law" with the literary language and modern Udmurt dialects confirmed the hypothesis regarding the dialectic affiliation of the written source.

Keywords: Udmurt language; dialectology; written monuments; morphologic features.

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Foundation of Basic Research grant No. 18-012-00119 "Creating an Interactive Atlas on the Uralic Languages" (supervisor Yu. V. Normanskaya).

For citation: Bezenova MP. Morphological features of the translation of the «God's Law» (1912) into the Udmurt language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019; 11; 3: 246–254. (In Russian)

REFERENCES

- Alatyrev VI. The first scientific grammar of 1775 and the development of Udmurt linguistics. *200 let udmurtskoi pis'mennosti* = 200 years of Udmurt writing. Izhevsk; 1976: 15–36. (In Russian)
- Alatyrev VI. About the authorship of the first Chuvash, Udmurt and Mari grammars. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* = Soviet Finno-Ugric Studies. 1977; 3 (XIII): 208–215. (In Russian)
- Batalova RM. Komi-Permian dialectology. Moskva; 1975. (In Russian)
- Bezenova MP. The peculiarities of the translation of the "God's law" (1912) into Udmurt: graphics, spelling, phonetics. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = Ural-Altai Studies. 2019; 3 (34): 7–52. (In Russian)
- Belova EB. The development of the Cyrillic affricate image. *Pervoi udmurtskoi grammatike 225 let: sb. st.* = 225 years of the first Udmurt grammar. Collection of articles. Izhevsk; 2002: 98–105. (In Russian)
- Vakhrushev VM. The first Udmurt grammar and the development of Udmurt linguistics. *Voprosy udmurtskogo iazykoznaniiia* = Issues in Udmurt linguistics. Izhevsk; 1975; 3: 3–23. (In Russian)
- Vakhrushev VM. The formation and development of the Udmurt literary language. *200 let udmurtskoi pis'mennosti* = 200 years of Udmurt writing. Izhevsk; 1976: 37–43. (In Russian)
- Zaguliaeva BSh. Prikil'mezskie govory udmurtskogo iazyka: Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu; 1980. (In Russian)
- Ivshin LM. The formation and development of Udmurt graphics and spelling in the XVIII – first half of the XIX century. Ekaterinburg; Izhevsk; 2010. (In Russian)
- Ivshin LM. Manuscripts of Russian-Udmurt dictionaries by G. E. Vereshchagin. *Vostochno-evropeiskii nauchnyi vestnik* = East European Scientific Journal. 2018; 2: 54–58. (In Russian)
- Ivshin LM. Once again to the question of the publication time of the first Udmurt books. *Ezhгодnik finno-ugorskikh issledovaniï* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2019; 13; 2: 216–222. (In Russian)

12. Karakulov BI. The language of the Udmurt translation of the Gospels published in 1847. *Korennye etnosy severa Evropeiskoi chasti Rossii na poroge novogo tysiacheletia: Istoriia, sovremennost', perspektivy: materialy nauch. konf.* = Indigenous ethnic groups of the north of the European part of Russia on the threshold of a new millennium: History, modernity, prospects. Materials of a scientific conference. Syktyvkar; 2000: 467–469. (In Russian)
13. Karakulov BI. The history of the Udmurt literary language: XVIII–XXI centuries. Izhevsk; 2006. (In Udmurt)
14. Karpova LL. The Middle-Cheptsä dialect of the Udmurt language. Speech samples. Izhevsk; 2005. (In Russian)
15. Kel'makov VK. On the “spelling” of the first-printed Gospel of Matthew in the “Sarapul dialect” of the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of Udmurt University. 2007; 5: 17–24. (In Russian)
16. Kondrat'eva NV. Variation of a noun in the Udmurt language (grammatical categories of case and number). Abstract of dis. ... Ph. D. of Philol. Sci. Izhevsk; 2011. (In Russian)
17. Kondrat'eva NV. The formation of the case system in the Udmurt language. Izhevsk; 2011. (In Russian)
18. Lytkin VI. On the origin of the plural suffix *jos* in the Udmurt language. *Na udmurtskie teme: sb. st.* = On Udmurt topics. Collection of articles. Moskva; 1931; 2: 101–111. (In Russian)
19. Liukina NM. Phonetic and morphological features of the language of Lekma and Yunda Besermyans. Izhevsk; 2016. (In Russian)
20. Maksimov SA. Secondary spatial cases in the Udmurt language: evolution of research and terminology, causes of formation. *Uraloaltaiskie issledovaniia* = Ural-Altai Studies. 2018; 1 (28): 33–48. (In Russian)
21. Napol'skikh VV. Twice forgotten (D. G. Messerschmidt – the first researcher of the Udmurt language and culture). *Art.* 1998; 4: 146–156. (In Russian)
22. Napol'skikh VV. On account of the dialect base of the F. I. von Stralenberg's Udmurt word list. *Linguistica Uralica*. 2002; 1: 33–49. (In Russian)
23. Nekrasova GA. System of L-cases in the Perm languages: origin and semantics. Syktyvkar; 2002. (In Russian)
24. Serebrennikov BA. Historical morphology of Perm languages. Moskva, 1963. (In Russian)
25. Tarakanov IV. On the first scientific grammar of the Udmurt language. *Zapiski* = Notes. Izhevsk; 1959; 19: 149–166. (In Russian)
26. Tarakanov IV. The first grammar of the Udmurt language 190 years. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* = Soviet Finno-Ugric studies. 1965; 3 (1): 229–230. (In Russian)
27. Tepliashina TI. Monuments of the Udmurt writing of the XVIII century. Moskva; 1965. (In Russian)
28. Tepliashina TI. The language of the Besermyans. Moskva; 1970. (In Russian)
29. Tepliashina TI. About the Udmurt-Russian dictionary of Zakhary Krotov. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* = Soviet Finno-Ugric studies. 1971; 2 (7): 129–139. (In Russian)
30. Tepliashina TI. Morphological dialectisms in the dictionary of Zakhary Krotov. *Voprosy udmurtskogo iazykoznaniiia* = Issues in Udmurt linguistics. Izhevsk; 1973; 2: 224–226. (In Russian)
31. Tepliashina TI. About new Udmurt cases. *CIFU*. Turku; 1981; 4: 285–292. (In Russian)
32. Fediuneva GV. Primary pronouns in Perm languages. Ekaterinburg; 2008. (In Russian)
33. Shutov AF. The first Udmurt books – 150 years. *Linguistica Uralica*. 1997; 3 (33): 215–217. (In Russian)
34. Csúcs S. Egy 18. századi votják nyelvemlék. *NyK*. 1983; 2 (85): 311–320. (In Hungarian)
35. Csúcs S. A votják nyelv a 18. században. *NyK*. 1984; 1 (86): 63–80. (In Hungarian)
36. Kövesi M. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest; 1965. (In Hungarian)
37. Uotila TE. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki; 1933. (In German)

Submitted 01.08.2019, published 16.12.2019